

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК: ОТ ЗНАНИЯ-ВЛАСТИ К НАРРАТИВУ

Актуальный языковой тренд обусловлен общей ситуацией методологического кризиса обществознания. Поиск выходов из этого кризиса заставляет общественные науки обращаться к переосмыслению собственных методологических и аксиологических оснований. Предметом анализа становится не политика, общество, экономика, а сама система общественного познания, используемые в ней модели описания. Суть трансформации обществоведческого языка заключена в: а) отказе от веры в универсальные и всеобщие общественные законы гегелевско-марксистского толка, требующие своего «открытия»; б) подозрении к редуцирующей рациональности просвещенческого толка как единственно возможному коду научного языка, как языку знания-власти; в) переходе от моно- к мультипарадигмальности как «нормальной» ситуации познания в обществоведении; г) отказе от выведения «жестких» социальных законов по образцу естественных наук в пользу поиска более мягких социальных закономерностей, зависящих от множества переменных (язык, культура, история, позиция наблюдателя в социальном пространстве и т.п.).

Причины актуального методологического сдвига общественных наук к состоянию нарратива (то есть повествования или рассказа), потерявшего дополнительную имманентную способность *легитимировать* социально-политический порядок, достаточно очевидны. Это крушение стабильной картины социального мира, задающей единое иерархическое пространство ценностей и целей. Сначала ее единство обеспечивалось религиозным согласием обществ (до Реформации и буржуазных революций), затем национальным единством (государство-нация) и структурой идеологий (либерализм, коммунизм, консерватизм), исчерпывающих в своей совокупности модернистскую социально-политическую мысль.

Язык любого исследователя сам по себе всегда функционально избыточен. Но его способность нести какие-то смыслы помимо мыслей и интенций автора считалась в науке пороком. Прямая и недвусмысленная связь мысли и мира являлась в науке Нового Времени условием единой картины мира, представляемой как объективная реальность, одинаковая для всех включенных в нее субъектов. Отсюда модель научного языка – ясного, логичного, прозрачного, обезличенного и объективированного, с едиными правилами для всех. Отсюда иллюзия Просвещения: любое явление, описанное с

* Мартьянов Виктор Сергеевич – ученый секретарь ИФиП УрО РАН, кандидат политических наук.

помощью «научной» модели языка, уже в силу самого факта «правильного описания» не может быть ложным. Поэтому установление истины во многом отождествлялось с помещением изучаемых феноменов в пространство представления, заданное «правильным языком», который, как рентген, «просвечивает» скрытую суть вещей. Сама мысль о возможности такого единого языка детерминирована ситуацией закрытости наследственных аристократических элит, когда политика еще не стала всеобщим достоянием.

Но если легитимность научного знания коренилась со времен Просвещения в культе объяснения и доказательства, сводивших все факты и явления к единым фундаментальным и рациональным основаниям, то сегодня научное исследование начинается с выбора модели языка, которая предопределяет одну из возможных логик познания. Поэтому центрированность лишь на «аналитических знаках» аксиоматичного языка, исключающих свою интерпретацию, стала со временем лишь одной из возможных научных логик, ретроспективно обнаружившей свои изъяны идеологического характера, непреодолимую связь с определенными политическими интересами и социально-историческими субъектами.

Просвещенческая установка на возможность достижения методологического единства и непротиворечивости знания об обществе распалось, когда выявилась социальная обусловленность, ангажированность (*букв.* вовлеченность) социально-политической теории в анализируемые ею процессы и явления (К. Маркс), а затем – историческая относительность истины любой идеологии (К. Манхейм). Общество и политика стали представляться как ряд «жизненных миров» и коллективных интересов различных общественных групп, между которыми необходим поиск исторического консенсуса. При чем язык описания этих групп находится в прямой зависимости от диспозиции данной группы внутри социального поля главным образом по отношению к власти.

Оказалось, что и в обществе, и в обществоведении не существует «ничейного» языка – языка «для всех», когда он начинает соотноситься не с чистым мышлением, очищенным от содержания логика, но с политической прагматикой, с реальным «здесь и сейчас». Обществоведческий язык – это всегда «чей-то» язык, а социальный разум – тоже всегда «чей-то», а вовсе не универсальный разум или «сознание Бога», в которое можно войти, соблюдая некие процедуры научного отчуждения и абстрагирования от изучаемых объектов. Язык обществоведения всегда нормативен, прескриптивен и далек от идеала нейтральности, несмотря на любые стремления исследователя к объективности и позиции беспристрастного и внеценностного наблюдателя. Но внутри науки это тождественно позиции Бога, наблюдающего человечество с неких совершенно иных, недоступных человеку позиций, а не изнутри общества, в которое помещен любой исследователь. Здесь и возникает проблема «наблюдения за

наблюдателем» в терминологии Н. Лумана, или «объективации объективирующего субъекта» в терминологии П. Бурдьё. Эта проблема самонаблюдения и саморефлексии общественной науки разрешима только при обращении к собственному исследовательскому языку.

Актуальность «лингвистического поворота» обществоведения обусловлена общим поворотом социального знания к языку, когда базовая теоретическая оппозиция Просвещения субъект-объект (сознание-бытие) фактически вытесняется парадигмой языка-реальности. Причем меняется сама постановка вопроса: не «что» первично, но «как» взаимодействуют языковые модели и социальная реальность. «Лингвистический поворот» общественных наук как осмысление собственного языка, который до того не был ни актуальным объектом исследований, ни методологической проблемой связан с дискредитацией трансцендентных схем объяснения социальных фактов путем отсылки к тому или иному самоочевидному основанию, будь то бог, природа, классы, государство, рынок. Но рано или поздно эти основания, например «божественность власти», «труд как литургия» или «классовый характер общества» перестают быть самоочевидными для общества. И тогда нетрудно заметить, что в теряющей доверие объяснительной парадигме, на которой держалась легитимность привычного социально-политического порядка, обнаруживается двойственность кода. За принципом научного познания истина/ложь открывается код властной игры – эффективно/неэффективно. Фактически социальные науки не могут и *никогда не могли* играть только в денотативную языковую игру с критерием релевантности истина/ложь. Поскольку социальные факты зависимы от того, как их интерпретирует субъект познания, социально-политические науки ведут двойную языковую игру с двойной релевантностью. Вторая игра – прескриптивно-этическая, зависящая от шкалы добро/зло или справедливо/несправедливо.

Более того, в последней трети XX в. Ж.-Ф. Лиотар прозорливо подметил вторую важную тенденцию в обществознании, заключающуюся в переходе общественных наук от структуры денотативного описания к нарративу (рассказу).¹ Нарастающее недоверие общества к «метарассказам» (метафизике и идеологии) отчасти подорвало и веру в обществознание, которое они легитимировали. Научное знание об обществе во многом теряет традиционные привилегии и становится в ряд других способов описания мира. Нарративный язык не мог быть востребован обществознанием пока научное знание строилось на доминировании тавтологической модели, предполагавшей методологические устремления гуманитарного познания к непротиворечивой и абсолютной формализации «объективной реальности» аналитическими знаками с целью производства конечной истины об обществе. Изменения в современных обществах связаны

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние Постмодерна. М., 1998. С. 9-12.

и с актуальным кризисом рационального языка «великих идеологий» (социализм, либерализм, консерватизм), их неспособностью как ранее объединять в своем нормативном пространстве все более мультикультурный и раскалывающийся по экономическим, культурным, религиозным и иным разломам глобальный мир. Подрыв веры в универсальность модели, ее способность полностью охватить реальность, установить единственно возможный (а потому истинный) принцип связи реальности и языка, обнаружил проблему поиска новых средств, позволяющих легитимировать научные истины на новых принципах.

В результате доминировавшая ранее политическая форма идеологии уступает место нарративу, «панлогизм» рациональной картины мира сменяется апологетикой уникальности культурно-языковых миров, связанных с нормативизацией не тождеств, но всевозможных различий. Легитимация современного научного знания, институтов общества, системы власти все активнее черпается в паллиативных средствах самого языка без отсылки к верифицирующей их реальности. То есть в перформативных языковых моделях, истинность которых полагает сам рассказчик. Основания знания-власти во многом вынужденно переходят в сам язык общественных наук, в то время как ранее они онтологически предполагались во «внешнем мире», к которому отсылал денотативный язык, лишь описывающий этот неизменный мир.

Особенность перформативных высказываний в том, что они не могут иметь значения истинности/ложности, связанного с реальностью: предметом, явлением, действием, событием, которому они бы соответствовали. Истина таких высказываний не верифицируема классическим научным образом, поскольку они не имеют референтов вовне, не соотносимы с какими-либо вещами, но сами по себе двойственны, являясь одновременно и словом, и делом. Перформативы не могут быть оценены в категориях истина/ложь, к ним применимы только оценки типа искренность/неискренность, им верят/не верят, в силу их недоказуемости/неопровержимости. Согласно А.Н. Паршину, выделение перформативов как класса высказываний является реакцией современной лингвистики на магические функции языка: «... перформативные высказывания суть некое дело, и все эти действия, которые осуществляются в перформативных высказываниях, это реликты ритуальных действий»¹.

Таким образом, в обществе модерна общественные науки в условиях конкуренции типов рациональности и разных парадигм общества перестают играть в строгую денотативную языковую игру, где релевантность знаний устанавливается по единственному критерию – истина/ложь. Эта игра теряет монополию на научную леги-

¹ Паршин А.В. Размышления над теоремой Геделя // Вопросы философии, 2000. № 6. С. 97.

тимность в условиях легитимности и допустимости в науке альтернативных языковых игр. Например, перформативных – верю/не верю, прескриптивных – справедливо/несправедливо, властных – эффективно/неэффективно¹. Доверие к рациональности, претендующей на монополию интерпретации социальных универсалий, подрывается ее явной симметрией с доминирующим культурным кодом знания-власти и гегемонистскими интересами.

Нарративная общественная наука соответствует символической структуре общества потребления. Когда в общественном сознании отсутствует единая мера и масштаб оценки, эффективной становится мифологическая логика социально-политического дискурса с ее техникой контекстуализации. Трансформируются формы публичной коммуникации: «Техника рационального риторического “уговаривания” публики сменяется визуальной суггестией, рекламным “соблазном”, что качественно повышает спрос на символическую политику»². Публичная политика не просто демонстрирует нарастание символичности, так как иррациональные действия тоже осуществляются под символом Разума. Здесь действия сами становятся символами и «смысловыми маркерами», суть которых не в их прямом значении, а в том, что они предлагаются в качестве «интерпретативного ключа», то есть символа с высокой концентрацией смысла, через который предлагается постижение адресатом актуальной политической картины мира. Большую часть общественных коммуникаций начинает составлять не что иное, как система ценностно-эмоциональных символов-ключей, навязчивые механизмы декодирования политических сообщений, формирующих целостное видение политического универсума.

Переход от знаково-аналитической семантики к символической выражается в том, что любой гегемонистский дискурс отказывается от последовательного развертывания значений, осуществляемых по модели единого и взаимосвязанного Текста, и приходит к визуализации и синкретичности в трансляции политических смыслов, что резко упрощает социально-политическую картину. Текстовые значения уступают место максимально дискретным образам, которые трудно опровергнуть в силу их визуальной наглядности, «гиперреальности» и «очевидности». Символы политического языка, входящие в «символически генерализованный код» власти, влияют на адресата, пытаясь поставить под свой контроль всю систему политических коммуникаций.

Лингвистический парадигмальный поворот связан с тем, что стало невозможным не учитывать доклического, то есть «обыденного» языка, образующего своего рода трансцендентальные условия научного языка, который эти условия до определенного времени

¹ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние Постмодерна ... С. 112.

² *Поцелуев С.П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // ПОЛИС, 1999. № 5. С. 63.

успешно отбрасывал как несущественные. В основании этой уверенности лежала вера ученых в истину и непогрешимость научных привычек мышления, основанных на очевидностях «собственного культурного бытия и мышления» и доступа к универсальной рациональности. Однако «Argiogi обыденного языка заставляет учитывать, что любая процедура прояснения смысла опосредована культурной традицией и предполагает ситуацию “предпонимания”, на которой возводится весь корпус человеческого знания»¹.

В XX в. процесс расширения допустимой аксиоматики языка научного описания шел параллельно как в гуманитарных, так и в естественнонаучных сферах. В. Гейзенберг писал, что язык классической физики Ньютона, основанный на эксперименте и аристотелевской логике, зашел в тупик, превратившись в частный случай современных физических теорий². Теория относительности, устанавливающая законы макромира Вселенной, с одной стороны, и квантовая механика, имеющая дело с описанием закономерностей микромира, с другой – не могут быть адекватно описаны категориями, понятиями, представлениями, выработанными языком классической ньютоновской физики, имевшей дело преимущественно с соразмерным человеку жизненным миром. Поэтому современной физике для объяснения явлений, выходящих за пределы возможного человеческого опыта, его «естественных» представлений и ощущений, часто приходится прибегать к выразительным возможностям метафорического языка. Взамен отказа от жестких требований, предъявляемых правилами научного вывода, экспериментальной верификации и непротиворечивости, ученые получают возможность более адекватного выражения сути физических процессов.

Таким образом, преодоление эпистемологического кризиса было связано с отказом от доминирования языка, претендовавшего на монополию в области истины при помощи одномерной рациональной легитимации. Оказалось, что в сложносоставных современных обществах исторических и социально-политических «рациональностей», как и социальных групп их выражающих, достаточно много. Переход к многомерной легитимации общественного знания содержательно расширил само понятие «научности». В ситуации отсутствия привилегированной нормы сталкиваются равные антагонистические модели социального конструирования, одинаково «научные» методологические аппараты интерпретации и оценки общества. Это столкновение актуализирует интерес к возможным языкам научных исследований, порождающим различные парадигмы описания общества.

¹ *Соболева М.Е.* Возможна ли метафизика в эпоху постмодерна? К концепции трансцендентального прагматизма Карла Отто Апеля // Вопросы философии, 2002. № 7. С. 145

² *Гейзенберг В.* Язык и реальность в современной физике // Шаги за горизонт. М., 1987. С. 208-226.

Открытие собственного бытия, автономии языка имело глубокие теоретические следствия для общественных наук современности. Это открытие было тесно связано с обнаружением обширной сферы иррационального в политике, экономике, обществе и построением на этой основе теорий, разделяющих рационализированное управление (администрирование и функционирование действующих общественных институтов) и стихийный социально-политический процесс, взрывающий порядок статус-кво. Новые теоретические направления формировались в процессе поиска нерациональных детерминант жизни общества взамен устаревшей установки на рациональность в таких направлениях исследований, как мотивация и поведение толп, политическая психология, нейролингвистические программы, изучение и формирование общественного мнения, предвыборные манипуляции, социально-политические мифы и стереотипы, теория анархизма и фашизма и т.п. Рационально сконструированные концепты стали лишь «идеальными типами», то есть формами, в которых наука, как один из возможных типов познания, интерпретирует социальное.

Последняя попытка создать универсальный рационально-логический язык общественной науки предпринималась в начале XX в. такими представителями логического позитивизма как Б. Рассел, Л. Витгенштейн, М. Шлик, Р. Карнап и др. В своих рассуждениях они исходили из того, что существует объективная, непротиворечивая реальность, однако путаница в языке описания приводит к противоречиям в мышлении. Поэтому стоит лишь формализовать непротиворечивую логику языка, правила высказываний, свести все возможные предложения к ряду простых «атомарных фактов» и логических связей, и мы получим идеальный язык, который есть сама истина, сама реальность. Такая модель языка была создана Л. Витгенштейном¹. Но, как оказалось впоследствии, идеальный язык является таковым лишь в узком срезе определенным образом логически и эмпирически интерпретируемой реальности, и этот аспект часто является не главным и не единственным. Позже и сам Л. Витгенштейн меняет точку зрения на язык, считая, что значения «естественного языка» складываются в процессе употребления, коммуникации и интерпретации, а не задаются умозрительно. А поскольку «нет значения без(и вне) контекста», следовательно, одно и то же высказывание может быть истинным или ложным в зависимости от контекста высказывания, адресата, ситуации и т.п.² Поэтому универсальный язык научного вывода всегда остается искусственным образованием, ограниченным внутренними логическими правилами.

¹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Философские работы. Ч. 1. М., 1994.

² *Витгенштейн Л.* О достоверности // Философские работы. Там же.

Таким образом, доминирующий рациональный язык общественных наук был во многом дискредитирован как искусственный язык, претендующий на статус естественного, в то время как базовые предположения исследователей о рациональности могут быть диаметрально противоположны исторически, социологически, экономически. Для одних общественных теорий человек по природе добр (Ж.-Ж. Руссо), для других – человек зол (Т. Гоббс, К. Шмидт); для одних приоритетны интересы общества (холизм К. Маркса и Э. Дюркгейма), для других – права и автономия личности (методологический индивидуализм М. Вебера) и т.д. Утрата надежд на достижение универсальности и беспристрастности через рациональность исследовательского обществоведческого языка привела к утрате им привилегированного положения, осмысляясь как конец завершившейся эпохи Разума. Здесь метод получения истины с помощью рациональных формализаций лишается особых привилегий. Принцип фальсификации приходит на смену принципу верификации: «...теорема Геделя говорит, что когда мы хотим формализовать истину, мы не можем это сделать ни на каком данном этапе. Мы можем лишь гнаться за ней, всегда охватывая ее лишь частично. Таким образом, имеется некоторый акт расширения нашей формальной системы и в этом акте расширения присутствует потенциальная бесконечность»¹.

Но что происходит, когда классическая рациональность перестает быть единственно возможным критерием соответствия значений и референтов? Обнаруживается поток исключений, которые не проходят сквозь рациоцентричную сеть языка, отбрасываясь как вторичное и несущественное: эмоции, воображение, подсознание, интуиция, алогичность, образность, символика, перверсия и т.п. Все, что составляет «проклятую сторону вещей» классической позитивистской науки. Доминирующая семантическая сеть языка накладывает нормативный запрет на все «иное» – способы описания, аргументы, сочетания и различия, которые могут парадоксализировать привычные когнитивные сценарии и стереотипы. Когда становится заметным собственное бытие языка, выходящее за пределы утилитарности и функциональности, обнаруживающее свою властную конвенциональность, а вовсе не опору на «объективную реальность».

Классическая европейская мыслительная традиция изначально была центрирована на логосе, то есть имела дело только с тем и наделяла статусом реальности только то, что можно выразить с помощью слов. Но слова конвенциональны и абстрактны, так как являются результатом соглашения людей с общими смыслами (универсалиями), культурным опытом и исторической картиной мира.

¹ Паршин А.В. Размышления над теоремой Геделя // Вопросы философии, 2000. № 6. С. 96.

Смысл слов всегда опирается помимо логики и на слабо вербализируемую общность культурных переживаний. Отсюда прорастает корень непонимания разных культур, даже если они пытаются говорить на одном языке, который содержательно всегда привязан к историческому образу мира той или иной культуры. И тем не менее, невыразимое вербально-логически вызывает у европейцев подозрение в шарлатанстве, поскольку мысль, последовательно излагаемая с помощью слов, классифицирующих реальность, полностью совпадает для них с языком. Причем язык имеет характер предельной реальности, даже когда речь идет о мистическом откровении.

Культурно-историческая специфичность такого подхода осознавалась в Европе через опыт «другого», альтернативный Восток, интерпретируемый К.-Г. Юнгом как «европейское бессознательное»¹. Но переворачивание традиционных европейских бинарных оппозиций – рацию-душа, логос-миф, схоластика-мистика, «заколдовывание»-«расколдовывание» мира, эмпирика-откровение, космос-хаос и т.д. – приводит лишь к закономерному самокритичному выводу: «Мы считаем знанием лишь то, что даос назвал бы условным, *конвенциональным* знанием: мы не чувствуем, что знаем нечто, до тех пор, пока не можем определить это в словах или в какой-нибудь другой традиционной знаковой системе, – например в математических или музыкальных символах»².

Например в дзен-буддизме констатируется, что слова способны выразить лишь «общие места», что-то банальное и поверхностное. Высшим же формам опыта приписывается внеязыковой характер. Они постигаются в обход логоса, с помощью неязыковых техник, ведущих к просветлению, трактуемому как скачок из пространства обыденного языка в абсолют, нирвану, отменяющую бесконечную цепь перерождений. Передача такого предельного опыта осуществляется через парадоксы, ломающие заданную ранее логику здравого смысла. Они представлены традицией коанов – форм описаний случаев и ситуаций, разрешить которые можно только путем преодоления собственно стереотипов мышления³. Предельно символизированные коаны имеют множество возможных решений и интерпретаций, но никогда окончательного, единственно правильного.

Следуя логике проекта Просвещения, мы не можем выйти за пределы языка ни с помощью трансцендентальной феноменологической редукции, с одной стороны, ни с помощью трансцендентных теорий божественного языка – с другой. Наконец, с третьей стороны, существует практика присвоения и контроля языка в рамках

¹ Юнг К.-Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М., 1991

² Уотс А. Путь дзен. Киев, 1993. С. 26.

³ См. например: Мумонкан. «Застава без ворот»: Сорок восемь классических коанов дзен с комментариями Р.Х. Блайса. СПб., 2000.

традиции логического позитивизма, с помощью попыток фиксации точных значений понятий. Критерием при этом может выступать как обыденный язык, так и абстрактные системы значений, присваивающие понятиям тот или иной заданный смысл. В обоих случаях язык сводится к некоей модели, контроль которой выдается за контроль над языком вообще. Но ни один из перечисленных подходов не может выйти за пределы языка.

Человек, приходящий в мир, находит уже сложившуюся ситуацию языка. Даже бессознательное, по мысли Ж. Лакана, «структурировано как язык»¹. Поэтому анализ бессознательного имеет дело не напрямую с психическими, а с соответствующими им языковыми структурами. Язык не может быть проблемой, когда он всего лишь орудие, инструмент, вещь – средство оформления и выражения мысли. Когда эта прозрачность исчезает, появляется собственное бытие языка. Лишь обнаружение автономии воспроизводства культуры, ее вариативности по отношению к реальности как «свободной, ассоциативной игры» одних только означающих, открывает язык, находящийся между разумом (сознанием) и реальностью. Но до определенной поры язык, как опосредующее реальность и сознание звено, был слишком прозрачен, чтобы его заметили как автономную проблему.

Язык обществоведения становится объектом рефлексии, когда в нем открывают глубину и оказывается, что он проговаривает больше, чем требуется субъекту этого языка. Когда означаемые и означающие аналитического языка не могут поддерживать тождество, происходит разотождествление кода истины и прочих возможных кодов исследовательского языка – властного, этического, прагматического. Впервые операцию разотождествления удалось осуществить К. Марксу, открывшему двойственность ложного и истинного сознания, идеологии и науки. Затем аналогичную операцию удвоения произвел З. Фрейд, открыв дихотомичность сознательного и бессознательного. Своего рода «топтание на месте» позитивистских моделей обществознания связано с очевидной невозможностью (как ранее) свести реальность к одной теории, избыток означающих к означаемому, символ к аналитическому знаку, «системе» к «жизненному миру». Подобная методология работала лишь в условиях единой картины мира. Сегодня все попытки создания единой картины сводятся по большей части к тому, чтобы не меняя универсальной бинарной мыслительной структуры, сменить общие имена: марксизм на теорию либеральной демократии; теорию классов на теорию элит и масс; интернационализм на глобализм; «дружбу народов» на права человека; бесклассовое общество на гражданское; план на рынок и т.п.

¹ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С. 102.

Все это, в конечном итоге, приводит к отказу от поисков «самоочевидных» социальных универсалий и абсолютов, которые помимо «объективных истин» закрепляли бы данный общественный порядок как неизменный. Подвижный, исторический и интерпретативный характер обществоведческих истин, их амбивалентность, связанная с отсутствием жесткой связи означающего с означаемым, лишает исследователя решающих оснований для выбора той или иной интерпретации в качестве привилегированного образца. В этом смысле критический пафос постструктурализма направлен вовсе не на установление некой «истинной» интерпретации социальных феноменов, а на саму функцию аналитического знака как тождества означаемого и означающего в коде знания-власти. Это тождество связано с сокрытием прескриптивной функции, когда наличие невыявленного содержания угрожает всей системе знания-власти и системе ценностей (идеологии), заложенной в ней.

В свое время основатель структурализма Ф. де Соссюр положил в основание семиотики теорию знака как соответствия означаемого и означающего с произвольной связью между ними¹. Наличие этой связи было аксиоматично. Любое слово, концепция, понятие или теория подразумевали тождество с некой отражаемой ими реальностью. Постструктурализм начал с критики подобных жестких структур, утверждая, что язык (и культура вообще как система взаимосвязанных значений) может конструироваться в том числе и как взаимодействие только культурных знаков, функционирующих по собственным законам. Причем они не только отражают нечто, но и сами могут порождать реальное, поскольку представления могут быть не менее реальными, чем эмпирические феномены, а зачастую и порождать социальную реальность через мифы, идеологии и утопии.

Фактически знание-власть сводит обществознания к логике мифа, где означаемое и означающее тождественны и нераздельны. Поэтому функционирование культурных знаков тождественно в мифическом сознании самой реальности – слова и вещи «слитны». Крамольны любые предположения о возможности их несовпадении. Поэтому в подобных знаниях, по определению, еще не может быть никакого «истинного содержания», требующего своего «обнаружения» путем «декодирования», открывающего «неочевидные смыслы». В языке доминирующего культурного кода, языке знания-власти нет слов для критики статус-кво. Человек может испытывать смутное недовольство социальным устройством, системой власти, но он не сможет адекватно его выразить на рациональном уровне в связи с отсутствием критических языковых средств. Подавляемые интересы не способны проявиться и перейти в открытую оппозицию, так как потенциальная оппозиция тому, что «все действитель-

¹ См.: Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. М., 2006.

ное разумно», устраняется на уровне изначального структурирования, на уровне языка.

Если в условиях принципа знания-власти онтологическим критерием истины было соответствие означающего означаемому, то постструктурализм методологически отказывается от самого принципа деления на означаемое и означающее. Знак из двусоставного вновь становится односоставным, связь же культурных знаков и смыслов между собой становится плавающей, цепной. Смысл знаков устанавливается не отсылкой к верифицирующей «самоочевидности», а самой взаимосвязью культурных символов и значений. Таким образом, контролируемая знанием-властью единственно возможная иерархия ценностей и значений разрушается. В отсутствии первоначала и абсолюта все смыслы, истины, утверждения приобретают статус относительности.

Распад идеала классической эпистемы как единой модели научного языка на множество инвариантов открывает независимость мира слов от вещного мира, означающих от означаемых, способность первых не только влиять на вторые, но и создавать их. Язык (в том числе научный) оказывается способен творить реальность. Принцип тождества как установка познания теряет привилегию перед антагонистическим ему принципом различия, усматриваемым в тождестве означаемого-означающего (теории-реальности) власть структуры, стоящей по ту сторону любого культурного значения, концепции, теории и легитимирующей его в качестве такового.